

АЛЕКСЕЙ
СМИРНОВ

СТИХИ
25.02.2020

ЭССЕ

СКАЗКА

26.08.2020

СВОБОДНЫЙ
ПОЛЁТ

25.07.2020

МОСКВА **новый хронограф** 2021

Алексей
СМИРНОВ

СВОБОДНЫЙ ПОЛЁТ

Стихи
Сказка
Эссе

МОСКВА **новый хронограф** 2021

УДК 821.161.1(081)
ББК 84(2=411.2)6я44
С 50

Смирнов А. Е.

С 50 Свободный полет / А. Е. Смирнов – М. : Новый Хронограф, 2021. – 128 с.

ISBN 978-5-94881-489-6

В новую книгу поэта, писателя, эссеиста, историка литературы вошли стихотворения, сказка в стихах «Щучье слово» и эссе «Седой орлёнок», посвящённое творчеству Бунина-поэта. Все произведения, составившие книгу, созданы весной и летом 2020 года.

УДК 821.161.1(081)
ББК 84(2=411.2)6я44

«В КАРАНТИНÉ»

Так во времена пандемий говорили прежде: сидеть «в карантинé», то есть внутри огороженного объёма, выход или выезд из которого запрещён. Теперь мы говорим: «на карантíне». Но суть остаётся той же: ограниченность перемещений в более или менее замкнутом пространстве, полная недоступность свободного полёта вне его.

Все произведения, вошедшие в книгу, созданы в Москве, «в карантинé»/на карантíне, связанном с пандемией коронавируса. Под каждым проставлена дата (даты). Общие временные рамки работы составляют интервал от 25 февраля до 26 августа 2020 года.

Неизбежность относительной неволи вызвала потребность в той свободе, которая не зависит от внешних преград. Отсюда название книги. В ней три части: стихи «Дни и дани»; сказка «Щучье слово»; эссе «Седой орлёнок», посвященное творчеству И. А. Бунина-поэта.

19.08.2020

А. С.

ДНИ И ДАНИ

Стихи

I

ВОРОН

Рати в поле брани
Бились на пределе.
Бред кровавой бани –
Это не при деве.

Веет ветер сорный,
Замер Ворон чёрный –
Зоркий, как дозорный.

Брошены топор, щит...
Дикое успенье.
Мёрзнет Вран, топорщит
Траурные перья.

Каркает бессмертный:
«Сломлен враг несметный.
Где мой князь пресветлый?»

Он лежит в овраге,
Закатились очи.
А вокруг варяги.
Жизнь – пера короче.

Только народились,
В гости снарядились,
Вот и нарубились...

Полечу в овражий
Холодок родимый.
Не ступлю на вражий
Лоб преоборимый.

Нет, не ворог ражий
Под мою стражей,
А потомок княжий.

Он, русоволосый, –
Жалко молодого, –
Без шелома, босый
После мародёра,

А голубоглазый –
Чисто сокол ясный,
Но уже безгласный.

Шевельнусь, смекая,
На кольчуге битой.
Смотрит, не мигая,
Глаз его открытый...

Кто высок был ростом,
Вровень стал с погостом,
С клювом моим острым.

21.07.2020

МАМЕНЬКА И МИШЕНЬКА

– Вот сон: у Китай-города
Явилось огромное
Змий-облако от Ирода.
Черно́, но ароматное...

– Вам, маменька, точь-в-точь ночьюми
Всё снится нестепенное.
Черно́ бывает с тучами,
А облако-то пенное...

– Не мучай мать попрёками,
Разжуй ей сон драконовый.
Похлопай, Миша, веками,
Проснись и растолковывай.
К чему он – Змий от Ирода
Да плюс у Китай-города?
Подумай: где тут вера-то?
А может что напорото?..

– Из сына делать комика?
Развинчивать по винтику?
Нехорошо вам, маменька,
Тащить дитё в политику.

– Умойся, съешь печеньица.

– Я потерять же нить боюсь!
А нет, не получается
Опять никак с женитьбою-с.
Представьте: чуть замешкаться,
И упущу малину...

– Съешь печенюжку, Мишенька,
Понюхай бальзамину.

– Вы как хотите, маменька,
А я не бесполезный.
И у меня есть мимика,
Свой разговор... Любезный.

– Ты, Миша, слишком умственный,
А судишь бестолково.

– Я, маменька, единственный.
Второго нет такого-
с... С!

17.07.2020

ВЕЛИКИЙ ПОСТ

Кончался пост – на что Великий! – пост
Для всех, кто жил, как праведник, страдая.
Змий сорок дней подстерегал свой хвост
И заглotal, жестоко голодая.
Уже священник бледный, как Луна,
На солее от немощи качался.
Бадья достигла высохшего dna
И стукнулась. Великий пост кончался.

Как прежде, наполняться стал стакан
Колодезя, испытанный веками.
Пора крутить обратно барабан
И ржавый трос наматывать витками.
Бадью страстей – помятую бадью
Вытаскивать, прокручивая валик,
И дотянуть, готовую к питью,
И докрутить, пока не расплескали.

Бог дал, чтоб в срубe гулком и глухом,
Перетерпевшем подвиг воздержанья,
Подёрнутом, как бархат, влажным мхом,
Послышались покашливанье, ржанье,
Похрюкиванье, смех – и вырос бес,
Подъятый в туче всей придонной взвеси,
Пока с Небес лилось: «Христос воскрес!» –
А Божий мир ответствовал: «Воскресе!»

13.05.2020

НА ПУТЯХ

1

Вокзал, как базар.

– Пирога, пирога!

– Вот, судари, сыр! Со слезою... швейцарский.

– Простите, состав «Петербург – Петроград»

С какого пути?

– Это, стало быть, царский?

С какого, не знаю. Но знаю одно:

Состав задержали на станции Дно.

2

– Любезный, простите опять. Виноват,

Но кровь леденят сообщенья из Бреста.

Мой поезд, мой крест «Петроград – Ленинград»

Во сколько отчалит от старого места?

– Да сразу, как только, извольте взглянуть,

Дочинят рабочие взорванный путь.

3

– Носильщик, на помощь! Я не пятирук,

Чтоб здесь барахлу распинаться в угоду.

Мой скорый – подлец «Ленинград – Петербург».

Хватайте баулы, тащите к вагону.

– Туда, где торчат «калашей» хоботки,

Соваться чужим не велели братки.

4

Век – новый.
Экспресс, как кристалл изо льда.
Куда он и где его пункт назначения?
Наш поезд идет неизвестно куда,
Но это уже не имеет значенья,
Хотя бы отправили в путь без преград
Сквозной: «Петербург – Ленинград – Петроград».

24.07.2020

* * *

Брёл мужик, кляня овраги,
Даль, поля,
И выписывал ногами
Кренделя.

Говорят, вязал бы лыко,
Шёл прямой,
Не выписывало б лихо
Кренделей.

Поскользнулся, рódна мати,
И – в полёт.
У плетня лежит и лапти
Не плетёт.

Гром весенний, прогреми-ка;
Дождик, хлынь!
Не оставит горемыку
Мать-Хвалынь.

29.07.2020

МОРСКАЯ СОЛЬ

Дядьки лесом едут вдоль,
Хрупают морскую соль –
Соль в кристаллах, пищевую,
Садочную, зерновую.
Банка – 48 руб.
Хруп.

Тётки задом наперёд
Катят дядькам поперёк
И плюются шелухой,
Несъедобною, сухою.
Кинут семечко на зуб:
Хруп.

Дядьки – ёрзать с *антиресом*.
Ну, давить рессору весом!
А рессора – листовая,
Транспортная, не стальная:
Клей-фанера, хоть и дуб, –
Хруп.

Будешь ехать там, где лес-то,
Не пропустишь это место.
Солью серою с лихвою
Да подсолнечной трухою
Всё затрушено по пуп.
Хруп.

12.05.2020

* * *

Полетела в небо рота
Брать коня за повод!
Наши планы – не болото,
А текучая вода.

Все заборы перекрасим,
Всем несущкам накрошим,
А поделим восемь на семь
И получим – с небольшим...

29.07.2020

СКРИПАЧ

Под крышей обитает скрипка,
А на земле, у самых ног,
Смычку, взлетающему гибко,
Акомпанирует скребок.
Солист нам шлёт за вестью вести,
А у него над головой
Перегоняет волны жести
Упругий ветер верховой.

Пока мелодию боренья
Ведет упорная рука
Между порывами Борея
И крепким рысканьем скребка,
Игрец, на них свой подвиг зижди
И воздевай певучий кий,
За монотонный шорох жизни
Под свист разбойничьих стихий!

27.06.2020

НОВОГРЕЧЕСКОЕ

Долго я женщину ждал, стоя одетым в передней.
 Долго сновала она мимо меня торопливо.
 – Скоро ли? – я вопрошал, ибо потерей терпенья
 Только и мог возместить ей ее поиски то ли
 Паспорта, то ли ключей, запропастившихся где-то,
 То ли очечника... Он свойство имел, между прочим,
 Вдруг непонятно куда из поля зрения выпасть.
 Был же весь день на виду, пряча под чёрною кожей
 Два дальноторжких стекла. Просто глаза он мозолил,
 Зная, что надобы в нём нету пока ни на йоту!
 Ну, а едва появишь надоба перед уходом,
 И запропал лиходея, как невидимка. С концами.
 Не исключенье – ключи. Ежели кто исключает,
 Втуне доверившись им, их ключевую способность
 В нужный момент исчезать, даже не звякнув ни капли,
 Пусть наслаждается тем, что отыскался хоть паспорт.

– Женщина! – я восклицал. – Стой, стройно-гибкая! Скоро ль,
 Дашь ты покоя ногам, плитку ступнями тасуя?
 Сможем ли мы, наконец, выйти сегодня из дома
 Или запарюсь я ждать, шарфом овечьим обёрнут?
 – Вспомнила! Связку ключей я позабыла снаружи,
 Дверь отпирая вчера, думая: «Где же мой паспорт?»
 Всё! Остаётся найти нас обхитривший очечник.
 Глянь по карманам, а вдруг чёртик играл с твоей курткой?..
 – Куртка моя-то при чём? Лишь бы грешить на святое.
 Вне подозрений престиж ношеной верхней одежды.

– Правда? А всё-таки глянь...
Что ж! По карманам пошарив,
Как ни нащупать футляр, тщетно искомый повсюду?
Истина в опыте, а не в рассужденьях о должном.
Греческим слава богам! Слава богам олимпийским,
Дружно воздевшим свои допингом полные чаши –
Выжимкой гроздьев хмельных! На посошок и – на выход.

12.05.2020

ДУМКА

Вышел из забоя
И ушёл в запой.
Вышел из запоя
И опять в забой.

В нищих штреках тощих,
В угольном гробу
Стрекочи, забойщик,
С лампою во лбу.

Вышла из квартета
И ушла в декрет.
Вышла из декрета,
А работы нет.

Вот и думай думку,
Розумій без нот,
На какую муку
Обречён народ.

Волей вне закона,
Силой в тыщу кляч
Сытого Дракона
Вытянул тягач.

С кожицей куриной
Борется семья,
А над Украиной –
Солнце и Змея.

22.07.2020

СОНЕТ

Когда творит искусник трюк,
Являя в пассах совершенство,
Мы понимаем: ловкость рук
Не отменяет грех мошенства.

И ни стремительность крюка,
Ни отвлекающие жесты
Не убеждают, что рука
Чиста, как отворот манжеты.

Мой принц! К чему игра ума,
Во всём обязанная оку,
Когда предмет и цель письма –
Всего лишь фокус, лёгший в строку?

Не это доставляет радость,
А чистых помыслов опрятность.

6.08.2020

ПУШКИН. ПИСЬМО

Страшный зверь – колёра мórбус –
 Объявился на Руси.
 Как бы с ним ни лечь под образ;
 Как бы, Боже упаси,
 Ни взлететь на небеси,
 Да пред дядюшкой своим,
 Как пред ангелом попович,
 Ни вдохнуть кадильный дым:
 «Здравствуйте, Василий Львович!»

Бродит зверь, ни зван ни прошен...
 Ну, а я не то, что он:
 Карантинами обложен
 И в усадьбе заточён.
 Сыт ботвою, брат, заметь,
 И патлат, как тот медведь.

Тёща злится: «Срам один.
 Дочку сватает лицейский.
 Бывший ссыльный, мелкий чин.
 Не полковник полицейский,
 Не красавец-генерал –
 Как по моде, кок в помаде –
 Повезёт её на бал
 При деньгах и при параде,
 А какой-то сочинитель,
 Молодых умов мутитель,
 Как воды болотной торф,
 Хоть к нему и благосклонен
 Царедворец, немец, воин
 Бенкен... как его бишь?.. дорф!»

Вот теперь какие тѣщи.
 Хорошо, хоть с тестем проще
 Позабьть про волю мне...
 А забудешь и про волю.
 Веришь? Серым волком вою
 В Болдине, в карантине.
 Даром, как петух с насеста,
 Норовлю сорваться с места,
 А не сдвинуть ни на шаг.
 Что в Москве, и где невеста?
 С кем она, зачем и как?
 Пишет в час по чайной ложке,
 Извиняясь за описки.
 Да от этой переписки
 Фигус вянет на окошке!
 Чует, чует нюх мой – плут,
 Не отбитый в листьях палых,
 Что не шали милой ткут
 На заводах полотняных.
 В том краю, где льются пули,
 Сухо клацают затворы,
 Для неё дымят на Туле
 Оружейные заводы.
 (Тесть сказал бы: «Для Натули»)
 По каким плывѣт палатам,
 Как кольчуга, холодна?
 Почитай, тройным булатом
 Грудь её защищена.
 Это мучит. Это ранит.
 Где азарт? Где темперамент?
 Не в миндаль сведѣнным лубом
 Древнерусского щита,
 Не морѣным крепким дубом
 Защищается тщета,
 А броней неуязвимой
 Для стрелы моей любви –

Что летит под свист змеиный
С напряжённой тетивы!

Я взбешусь да и обижусь.
А потом придёт хандра,
И как только с нею свижусь –
Обезволен до утра.
Да, я мнителен, *хандрлив*
(Как тебе иероглиф?)
В общем, брат, живу в деревне,
Как на острове. Одне
Мысли о своей царевне
Изведут в карантине.
Весь забытый Богом глобус
Обротала эта морбус,
Намотав вожжу на пясть.
До четвёртого колена
Я кляню тебя, колера –
Косорукая напасть!
А браню спроста, по-русски,
Как офени на мостах,
Потому что по-французски
Я браниться не мастак.

Между тем в лесах октябрь
Курит дёготь, как дегтяр,
Нагоняет черноту.
Света меньше, чем кроту.
Осень постная стоит.
Постная да поздняя.
День темнеет, как старик.
Небосвод и здесь столик,
Но пора не звёздная.
Кто б сюда ни прикатил,
Всем прописан карантин
И назначены, мой друг,

Отчужденье в три аршина,
 Уксус для протирки рук –
 Вот опоры карантина.
 Рыщет мордус! Жрёт колера!
 Пропадай, моя галера!
 Кто «хворобу-с» не корит?
 Все бегут от кавалера,
 А среди его харит –
 Тьма и грязи по колено.
 Утопают сапоги.
 Конь не вытянет ноги.

Всем даёт колера морбус
 Прикурить. Такая тварь!
 Говорят, Жандармский корпус,
 Хоть и не смыкает вежды,
 Возлагает все надежды
 На акафист и тропарь.
 Знать, колеру возмутил
 Голубой его мундир.
 Интересный
 Цвет небесный,
 Как и всё, попал в обдир.

На реке царит судак:
 Суд творит, являет удаль.
 Там он – грозный государь,
 А на море – бледный сударь,
 Если только б рыбе пресной,
 Осенившись силой крестной
 Да молитвою воскресной,
 Захотелось, как в рассоле,
 Поразмяться в горькой соли.

А теперь – конец концу!
Прочь хандру и нюни.
Брат мой, – слёзы по лицу, –
Дай мне волю, подлецу,
Соловьём в июне
Поразлиться над рекой,
Выделатъ коленца
И смешать восторг с тоской,
Не жалея сердца!

Гўся я извёл на перья,
Измакал бадью чернил
И, горя от нетерпенья,
Дестей двести исчернил.
Ладно-ладно... Пусть не двести.
Кто считает эти дести?
Правда – сушь. Сочнее суть,
Если капельку прилгнуть.
Хоть о дестях для отваги, –
Кипе хлопковой бумаги,
Навощённой против влаги,
Не пеньковой, не льняной,
Не дощатой со щепой,
А не тронутой, белейшей.
С ней, как леший с юбилейшей,
Я, хандру свою попрал,
В омут канул и пропал,
И до неба накропал
От колеровых опал.
Знай: вдохнувший душу в плоть,
Не отверг меня Господь.
Разлетелись в щепки клинья,
Вольность сбила тормоза.
Как из рога избылья,
Ливнем хлынула гроза!

Скинул дел от подбородка.
Сто работ – не подработка.
Всё другое потеснят.
Я – ужасен, я – несносен,
Только, – верь не верь, – за осень,
Сделал лет на пятьдесят.

* * *

Перечитав свой слог трескучий,
Я понял, как я виноват...
Но есть ещё удобный случай
Начать с конца:
Здорово, брат!

2–3.08.2020

II

МЕТАМОРФОЗЫ

О Польше не слышать.
Британия бунтует.
В Париже благодать.
В Москве немного дует.

Но любят времена
Мешать восторг и ропот.
Меняют номера,
Приобретают опыт.

На Польше благодать.
В Британии не дует.
О галлах не слышать.
Одна Москва бунтует.

От тех метаморфоз
То бросит в жар, то в холод.
А ветры с моря роз
Опять колышут полог.

Над Польшей дует норд.
Британия в офсайте.
Парижу – бунт и понт.
Одна Москва, как фантик.

А что придёт потом –
За торжищем морочным,
Вещунья шепотком
Щушукнет скоморошым.

5.08.2020

ЧАРЛИ ЧАПЛИН

А попрошайка, вышедший пройтись без всяких дел,
Цветок от грусти высохший себе в петлицу вдел.

Хоть дружит с подворотнею давно его кино,
Осанку благородную унизить не дано.

Приклеенные усики и черный котелок.
Смущаясь, глазки-бусинки глядят куда-то вбок.

Штаны на недоросточка, хлобыщут башмаки.
Но! Щегольская тросточка кружит вокруг руки.

Не радость ли подарена на удивленье всем?
Приглашена окраина на раут в Букинге.

Уроки элегантности беспечно, как пустяк,
Дает мужам галантности бродяжка и босяк.

Метнёт валета по столу, расслабится и вдруг,
Курнув, сигарку толстую погасит о каблук.

Пока крутилась тросточка и за собой вела,
В его петличке розочка сухая - расцвела!

16.07.2020

ДЕНЬ МЕТАЛЛУРГА

В День Metallурга
Среди лета по жаре
Из Петербурга
К жулику Жане
Ехала дама
С коробками для шляп
И в сердцах кидала
Шляпки на шарап:
 Ап!
 Ап!
 Ап!..

«Шляпник проклятый,
Я скажу тебе “Адъё”!
Фетр твой помятый –
Чистое гнильё.
Бендер сутулый,
Вылитый Остап,
Слышен и под Тулой
Твой пещерный храп.

Прахом на прахе
Протряхнул бы весь свой хлам,
Сшил по папахе
Лысым пастухам.
Нюхом ли щучьим
Вызнал, кто озяб.
Валеночки чукчам
Навалял хотя б!»

Край Петербурга.
В свой родной расходный дом
Тень металлурга
Двигалась с трудом.
Наш безобразник
Был косой, как трап.
Надвоился в праздник
Шляпок целый шкап.
Ап-ап!
Ап-ап!
Ап!.. Ап!...

Интеллигентно
Выбрал к лету металлург:
«Вроде как энта...»
С ней и мотанул,
То есть заехал,
Плюнув на этап,
С эхом за орехом
И – на «Главный штаб»!

День Металлурга
К ночи догорел огнём.
Плачет супруга:
«Где ж ты был, Артём?..»
Ехал-доехал...
Хоть и косолап,
А набил орехом
Шляпку «Зимний драп».
Ап!

19.07.2020. День Металлурга

ВЕРТИНСКИЙ. СЕРЕБРЯНЫЕ БУСЫ

У меня состаренные вкусы.
Обожаю в ниточку усы
И дарю серебряные бусы
Тем, что молчаливы и босы.
Тем, кому – увы! – за девятнадцать.
Лучшее осталось позади...
Тем, кому устали улыбаться
Солнечные майские дожди.

Сколько б мода их ни обувала –
Маленьких причудниц и шутих,
Лампы Чистопрудного бульвара
Славно озаряют дерзость их.
Кто бы думал, с крейсера «Аврора»
Сотрясая снежные дворцы,
Возродиться плесенью «Рокфора»,
Адюльтером хвори и гнильцы?

Кто бы знал, пересолив онучи
В непролазной каше Сиваша,
Как струёй шампанского шипучей
Оросится грешная душа?
Я читаю мемуар Челлини,
С чтением иным повременя.
Впрочем, вы, что босы, молчаливы,
Вправе и не брать пример с меня.

Что́ я вам – беспечным и упрямым,
Пьющим заповедное вино,
Нетерпимым к фальши и управам,
Вольностями балованным? Но:

Как бы ни менялись ваши вкусы,
Ни торжествовали крейсера,
Постарайтесь, сберегите бусы
Памятного сердцу серебра.

25–26.07.2020

* * *

Свой колючий холод
И душевный лёд,
Что давно не колот,
Не пускайте в ход.

Но и придержите
Жар щедрот живых.
Стойте, не стучите
В створ ворот чужих.

К запертым воротам
Неизвестен код.
«Эй, служивый, кто там
Позади щеколд?»

Испарились выси
С луж Кабан-двора.
Не мечите бисер.
Et... Et cetera.

4.08.2020

ДАТАСТАН

В нашем добром королевстве Датском,
Где полгода хмурится зима,
Наши скальды с мужеством солдатским
Отдавали сочиненьям датским
Проблески последние ума.

Даты, даты... Праздники усадеб,
Юбилеи доблестных осад,
«Всенародный день придворных свадеб»,
«День без взятки» (и чего же ради б?).
«День Covid» (с тех пор пошёл на спад).

Даже те, чьи взгляды были левы,
Кто отверг, как принцип, соболя,
Посвящали лучшие напевы
Дню рожденья старой королевы,
Тезоименитству короля.

Ну, а те, чьи взгляды были правы;
Те, кто не снимал собольих шуб,
Почитали даты нашей славы
Так, как чтит гвардейские уставы
Однорукий прадед-правдоруб!

В свой черёд справляли «День Хирурга»,
Вспоминала Гамлета страна;
Выделяла «День» под Демиурга
И не забывала Металлурга,
Плавившего сталь на стремена.

К дате приурочивали раут,
 Возложение, памятный доклад.
 Поднимались выпавшие в аут
 С верой: опочившие воспрянут;
 Кто вознёсся, спустится назад.

Знатный иноземец сэра О'Бридли,
 Посетивший летом Датастан,
 Сообщал поэту лорду Ридли:
 «До чего же даты здесь обрыдли...»
 (Но публиковать письмо не стал.)

И, представьте (мы не виноваты,
 Всё случилось так внезапно, вдруг):
 В день очередной парадной даты
 Выступил один чудаковатый
 То ли чей-то прадед, то ли внук.

Милый! Ты в какой стране родился?
 Кто тебя такого воспитал?
 Ты на ком по глупости женился?
 Ты ещё не жил или зажился?
 Наша память – вот наш капитал.

За спиной – великие эпохи!
 Гарь и порох! Грохот колесниц!
 Ты же посвятил таланта крохи
 Размышленьям о чертополохе,
 Что растёт не выше поясиц.

Назревал скандал. (Разборки, пресса,
 обыски, наркотики в траве...).
 Только кто-то ради интереса
 Выход предложил взамен эксцесса.
 Честь и слава светлой голове!

Встрепенулся Комитет новаций,
Инициативу поддержал.
Был прижат Союз протестных фракций,
И король под дружный гром оваций
Гербовый папирус подписал.

Есть в году свободные пространства!
Их не много. Так... четыре-пять.
«День Чертополоха» мы пристрастно
(Пусть и без О'Бридли, иностранца)
Будем ежегодно отмечать.

К дате приурочен званный раут.
Возложение. Памятный доклад.
На контроле выпавшие в аут.
Мёртвые, надеемся, воспрянут;
Кто вознёсся, спустится назад.

21.07.2020

МАРШАЛ ЖУКОВ. МУРАЛ¹

Глухой торец жилого дома.
На уровне бельэтажа – ремень.
На уровне средних этажей – вся грудь в орденах.
Под чердаком – глаза: два круглых окошка.
А фуражку вздыбило ураганом.

12.07.2020

1 Монументальная настенная живопись.

БОЛЬНОЙ КОТЁНОК

Я не плачу, а жалобно *плакаю*.
Гадкий карлик мне лапку обжог
И ударил припрятанной палкою,
И свинцом налился, как божок.

Во дворе молодая натурщица
Сор метёт. А успеет? Не факт.
Ну, а что на совок не натрушится,
Дометёт многодетный инфант –
Немец Лейбниц, учитель гимнастики –
До контейнеров «Мусор» и «Сор»,
Устремляя на прелести Настеньки
Целомудренной робости взор.

Но Шарыгин – полковник на пенсии,
К этим «фантам» весьма нетерпим.
Он берёт не цветами, не песнями,
А напором – компрессор – своим.
Начинал он карьеру при Каине.
Не пустяк: и просёк и достиг.
А закончит куда неприкаянней
В богадельне беззубых заик.
И, снабжённый контактными линзами,
В остальном толстопят, коренаст,
До поры наблюдает он издали,
Как владеет метёлкой гимнаст.
Как справляется с дрожью философа,
Чтобы сделать вокруг «колесо»;
Как бормочет: «Настасья Федотовна...»
А на большее он не спосо...

Бен Шарьгин, прислушавшись к рокотам,
Из сопла выпускает струю
И уносится с дьявольским грохотом
На постыльную фанзу свою!

Все при деле. У всех свои трудности.
Мётлы, радости, гости, совки...
Но по мудрости или по скудости,
Маслом туи наквасив виски,
Никогда не заглянут под лестницу,
На суставы свалив и колит,
И не спросят, сочтя за нелепицу:
– Боже праведный! Кто там скулит?

Щели заткнуты дымною паклею,
И на камень клонясь головой,
Я не плачу, а жалобно *плакаю*.
Над людьми, над совком, над собой...
Я же маленький, всё позатупится.
Не таких излечили года.
Но сейчас я уверен, Заступница,
Эта боль не пройдёт никогда.

28.07.2020

БОСФОР

Никогда я не был на Босфоре.

Есенин

Никогда не пел я в общем хоре.
Хоть бы в анти... Каюсь. Виноват.
А взамен воззваний на заборе –
Мне чертил эпюры сопромат.
И пока в лесах сырых и прелых
Собирают бардов, как опять,
У меня на пламени горелок
Колбы Эрленмейера кипят.

Верю я «де фактам», не «де юрам».
И меня под топот трепака
Не швыряли в трюм московских тюрем
На манер крутого Маяка.
Фронда Фронд – седые диссидентши
Не зазвали под опавший клён;
Как ерша, в участке засидевшись,
Не ловил по заводам мильтон.

Бросив караульщикову келью,
Сунув в рот, как соску, свой свисток,
Слух не оскорблял визгливой трелью
От натуги лопавшихся щёк.
Что – мильтон? Артроз его тревожит.
Человек семейный. Много лет.
Скоро бегать он совсем не сможет.
Разве по квартире. В туалет.

Нет, не он за долгой тенью гнался,
Как столяр, с подмёткой на клею.
Это я за Мильтоном гонялся
В том давно потерянном раю,
Где осталась у меня в фаворе
Пара фот, оправленных в овал.
Вот и всё, что есть... А на Босфоре
Я, признаться, тоже не бывал.

4.08.2020

РЕЧИТАТИВ

Там, где волна пробежит валунами – и только,
Ветер качнёт рукава преклонившихся ив,
Узкого месяца жёлто-лимонная долька
Разве что рябью подёрнет уснувший залив.
Старый курильщик, сошедший с подлунного трона
К нам на террасу, в которую бьётся прибой,
Тронет губами холодный мундштук саксофона,
Сердце закружит и нас поведёт за собой.

*Besame, besame mucho,
Como si fuera esta noche la ultima vez.
Besame, besame mucho,
Que tengo miedo perderte, perderte despues.*

Дай нам дыхание, Небом дарованный Логос;
Бывший в начале, последнюю волю яви!
Пой, не смолкая, над нами, взыскующий голос –
Раненый голос себя не щадившей любви.
Сколько б нас век ни ловил в свои частые сети,
Как золотым ни сулил бы осыпать дождём,
Не для него мы однажды умрём на рассвете,
Не для него мы в открытое море уйдём.

*Besame, besame mucho,
Como si fuera esta noche la ultima vez.
Besame, besame mucho,
Que tengo miedo perderte, perderte despues.*

1.05.2020

ЛЕМНОС

Эта женщина – игрушка;
Как инфанта, хороша.
С ней и весело, и грустно
Раскрывается душа.
По руке и рукавица.
Пясть горячая нежна.
Кто она? Отроковица
Или верная жена?

Но не зря мечтою мучат
Сокровенные черты,
Обольстительны, как участь
Обречённой чистоты.
То опустится несмело,
То закружится, шутя.
В путь! К святилищу – на Лемнос
За собой зовёт дитя.

Купол звёзд мерцает кругло.
Ворох кукол на руках,
И сама она, как кукла,
В твёрдых, с пряжкой, башмачках.
Припадают к ней олени,
С ней волне не клокотать.
Как теплы её колени,
Тонки токи в локотках!

У святилища Гефеста
На пустынном берегу
Я её своей невестой
До рассвета нареку.
Длинно вспыхнет алый факел
И погасит след слезы.
И прижмётся к сердцу ангел,
Пьющий хмель ночной лозы.

4.08.2020

ГРАФ А. К. ТОЛСТОЙ. АГРАФЕНА

Граф Толстой Алексей Константиныч
Приобрёл у хрусталь-короля
С пуд свинца тяжеленный, а иныч:
Гусь-хрустальный графин хрусталя.

Пуд в буфете стоял, леденя,
Образец изо всех образцов.
А в Гусе брал хрусталь во владенья
Юрь Степаныч Нечаев-Мальцов.

Был для общества дар предназначен:
Гусь-хрустальный свинцовый графин,
Чтоб украдymi никто не подначил
Хоть вдвоём опростать, хоть один.

А теперь я скажу откровенно,
Что у графа служила юла,
Невоздержанных чувств Аграфена.
Она горничной в доме была.

Вот и эта-то самая Грунька
Всё обхаживать стала графин,
И дружку присоветала: «Клюнь-ка!»
То ли венгыр какой, то ли финн...

Увидал Алексей Константиныч
И решил учинить трибунал.
Груню вызвал к себе и не иныч,
Как отцовское слово сказал:

«Не тебе этот подлинник куплен.
Пусть попробует кто, подойдёт...
Он с Гуся за наличные слуплен,
Как я истинный есть патриот.

Чтоб какой-никакой иноземец
Вещь за горлышко не ухватил,
То ли беглый француз, то ли немец,
И с покупкою не укатил.

Пусть свои промышляют фарфоры
И своих исповедуют краль,
Навострять же не смеете шпоры
Вы на наш огранённый хрусталь.

Аграфена! Не пей из графина.
Не буди полыханья в крови.
Ты сперва полюби угро-финна,
А потом уж признайся в любви.

Да вперёд разузнай поточнее,
Кто он: венгр или всё-ж-таки финн?..
Хоть и ты, Аграфена, не фея,
Не позорь с кем попало графин.

Его выдул на русском заводе
Русский мастер Иван Образцов.
У меня об нём справки наводит
Юрь Степаныч Нечаев-Мальцов.

Он хотел им хвалиться в Париже,
Да уж больно увесист свинец.
А тебе-то все радости в жиже –
Лишь бы шляпки срывало с невест!

Атрофируй в себе эту слабость,
Осади набалованный нрав.
Аграфена, одумайся малость,
Твой же барин – потомственный граф!»

Но известно: борись – не поборешь.
Сколько хочешь внушай – не внушишь.
И пристрастия с места не стронешь,
И природу не переродишь.

Спорить с Грушенькой – дело пустое,
Если воск у неё – парафин.
Граф – к буфету. А там уже трое:
Аграфена, и угро и финн.

5.08.2020

III

ЗИМА

Зима на мази.
Лыжа требует мази.
Кричат: «Тормози!» –
Лихачу на КАМАЗе,

И он – фармазон, –
В хлам сжигая резину,
Как Ростехнадзор.
Пристаёт к магазину.

Судья басовит.
Хоть по-своему свойский,
Но ставит на вид
Дульсинее Тобольской,

Что шла в гололёд
По Имперской-Овирской,
И был оголён
Её фронт транссибирский.

Где рысь на суках
Разминает суставы,
В дремучих снегах
Утопают составы.

Художник, вмасти,
Припадая к модели!
Зима на мази.
Менделеев – в «Мадере».

25.07.2020

СВЕЖАЯ ГАЗЕТА

День обходился без парада.
Мог врать, сбивать прицел, притоп.
Но власть брала к рассвету «Правда» –
Отрада глаз по ц. 2 коп.

И разрешала все вопросы,
Всё ставя на свои места,
И лжи тяжёлые обозы
Валила с Крымского моста.

Дышавшая суровой лаской,
Святых исполнена угроз,
Она шибала чёрной краской,
Прибрежной свежестью полос.

В чужие шмотки не рядилась
И не плевалась бузиной,
Но очень, помнится, гордилась
Своею красною ценой.

4.08.2020

РОМА-ДОЛОТО

Полюбило долото
Раздевать болта в лото.

Что сболтнули, –
Ну, ли – áли, –
Где балдами помотали,
Отрядив для игрока
Половину верстака.
Болт!
Отбейся от забот,
Отвинтись от баловни,
Всё забудь, а долотова
Слова правды золотого
Беспрременно помяни.
Ты же, болт, на то и болт,
Что не лоб, а балабол.
Грех оболтуса за то
Долоту не слить в лото.
Подтвердит тебе любой:
Хоть ты с левою резьбой,
Хоть ты с правою резьбой, –
От болта один разбой.
И любая скажет гайка, –
Будь то Гунька, будь то Ганька:
Два болта сошлись и – шайка.
Болт ржавеет, а без масла
И скрипит. Теперь вам ясно?
Нитку портит, гайку клинит.
Шайба, кто болта не кинет,
Кто под шаг ему не плюнет;
Клуня, кто болта не клюнет,
Не засунет в балахон,

Не свезет на Балатон,
Не сорвет с него три банта,
Не облупит, как прибалта.
Но одна беда – в лото
С ним не справится никто,
А тем более *никта...*

Кроме Ромы-долота!

28.07.2020

ДОРОЖНАЯ ИСТОРИЯ

ТРИОЛЕТ

Последствия легкомысленной беспечности

Опять по ступицу увязло,
Забуксовало колесо.
И никого помочь, как назло!
Опять по ступицу увязло.
Я и не думал, что так грязно...
Кирдык, маркиза. Сели. Всё.
Опять по ступицу увязло,
Забуксовало колесо.

РОНДО,

*в котором поэт рисует маркизе все выгоды
её нынешнего положения*

Маркиза, если бы в распутицу
Я вас не вытащил, как спутницу,
Искать дорожных развлечений
Среди заброшенных селений,
И мы б не сели в грязь по ступицу,
Из коей не извлечь и утицу,
То скольких свежих впечатлений
Лишился бы ваш чуткий гений,
Маркиза?
А так? Вы молитесь Заступницу
Скорей прислать вам трактор-умницу.
За то, что вверглись без сомнений
Искать проблемных приключений,
Себя клянёте, как преступницу,
Маркиза!..

БАЛЛАДА,

в которой поэт не обольщает маркизу чрезмерными обещаниями, но пытается внушить ей надежду

Маркиза, не гневите Бога.
Пускай мотору в сотни кляч
Не покорила дорога.
Но мы в тепле, мотор горяч.
К утру нас вытащит горяч,
Урча по непролазной грязи,
Которая черней, чем грач
С грачихой во внебрачной связи.

Пускай увидели немного,
Когда сюда мы мчались вскачь:
Лишь пни, где выровнятся строго
Грибы номенклатурных дач.
Как говорит скоробогач:
«Навек останься в этой грязи
Дожёвывать сухой калач,
Кто с тягачами не на связи».

А к нам уже спешит подмога,
Пока что – радиоскрипач –
Нам виртуозно и высоко
Слух пестует профессор Грач.
У нас в записке спотыкач.
Мы в базе данных. Но и в базе
Возможен сбой и, хоть ты плач,
Помехи с западаньем связи.

Эй, оператор, не портачь.
Под наблюденьем наши грязи,
И мы – удача из удач! –
Ещё получим доступ к связи.

КАТРЕН

Надпись на месте происшествия

«Здесь трактор при посредстве троса,
Поддев крюком за что-то снизу,
Из грязи вытащил колёса
И спас застрявшую маркизу».

25, 26.08.2020

КАРАНТИН

Отставить ласки.
Ни капли влаги.
Сухие маски
И крабьи краги.

Людей в локалку.
Хвосты под плёнку,
А всю сакралку –
На удалёнку.

Хоть муж–супруга,
Хоть бампер–шина,
А друг от друга
На три аршина.

Кончай витийство
Про разобщеньи.
Сплотим единство
На удаленьи!

22.07.2020

ПАДИШАХ

- Именительный* – Кто?
кто-что? – Колодкин – крокодил
Дал спокойно крюк один,
Раз его не колотило.
- Родительный* – От чего?
кого-чего? – От карантина.
- Дательный* – «Как кому, а крокодилу
кому-чему? Опасаться ль карантину?
Схрупну этот карантин,
Как...»
- Винительный* – Как что?
кого-что? – «Как каратин!»
Но ему не пофартило.
- Творительный* – С чем?
кем-чем? – С охраной карантина.
Он уже вторые сутки
Под арестом мокнет в тине
За свои дурные шутки.
- Предложный* – Да о чём?
о ком-о чём? – О карантине.

О, великий Падишах,
Сохрани тебя Аллах!
Знаешь ты теперь, Премудрый,
Всё о русских падежах.

29.07.2020

ВОЕННАЯ ХИТРОСТЬ

Газеты лежали статьями
Наверх, как велел им Фатьян,
Решивший являться Татьяне,
Пройдя к ней по чётным статьям².

Он шёл, на пути скидывая
Всё: маску, перчатки, мундир.
Татьяна ж была рядовая,
А он у неё командир.

Юрист призадумался Щёткин,
Приняв полстакана воды:
«Чего это шёл он по чётным,
На них оставляя следы?..»

Внёс ясность свидетель Евлозий
(См. «Дело московских шутих»):
Нечётные были серьёзней.
Фатьян перешагивал их.

22.07.2020

² Имеются в виду статьи, опубликованные на чётных полосах.
Прим. Фатьяна.

РАЗГОВОР БАРАНА СО СТЕНОЙ

Говорил баран стене:
«Хуже нет в карантине.
Попадаешь, как в аркан:
Только Тора да Коран.
Это что за времена?
Как ты думаешь, стена?»

Наши ярочки с опаской
По песку идут под маской.
А ягнёнок? Это значит
Не поблеет, не поскачет?
Что-то жизнь пошла не та...
А тебе-то как, стена?»

Ест мулла лукум в перчатках,
Пальцы в жирных отпечатках,
А, смывая отпечатки,
Моет пальцы и перчатки.
Несогласным – штраф, гоненья.
Ну, а ты какого мненья?»

И боднулся со стеной
В шутку шишкой костяной.
Не смущайся, мол, давай,
Думай, голос подавай!

Тема скользкая темна...
Отмолчалася стена.

27.07.2020

ВИРУС ОБОСТРЯЕТ ЖАЖДУ ОБЩЕНИЯ

Заварен чай.
«Цейлон-лимон»
Ощупан и ошпарен.
В дверях – трезвон.
– Кто там? Филон?
– Какой Филон? Шапорин.

Пришёл сосед. Издалека.
Доспорить спор об инках.
Он – полиглот. Три языка.
Родной и два в ботинках.

Чай выкипел, не сдав ключа.
– При чём тут чай?
Заминка.
Другая жажда, горяча,
Томит и сушит «инка»:

Доспорить спор, чтоб без обид
Дошёл до сути каждый,
Из тех, во чьей груди горит
Огонь духовной жажды.

Пришла Аннет. Её бурлеск
На тему русских сказок.
Ушла. В душе остался блеск
Анютиновых глазок.

Чай нѐ пит. Он полуостыл.
Звоночек еле живой.
– Пароль.
– Альберт из «Вкуса Вилл».
– Альберт?
Входи, служивый.

Пусть минимальным тиражом,
Дошёл Филон Пошарин.
– Шапорин, ты опять, мажор?
– Филон, а не Шапорин.

Закон отступников клеймит,
Велит натянуть маски.
Тепла исчерпанный лимит
Друзей взывает к ласке.

Какой-то дух. Сидит давно.
Пьёт чай – смиренный инок.
Смеркается... Светает... О,
Печаль моих чаинок!

6.08.2020

БАЛАНС

Один за спину кинет
Отмщение «калаша».
Тоской по Украине
Болит его душа.

Другой не ладит с грустью,
Но «ладит» належке
Брататься с Белорусью,
Прильнув скулой к Луке.

А третий – что и где же?
В виду таких повес
На всякий случай держит
Баланс-противовес.

Затем и едет в Прагу
Попробовать рагу,
Испить хмельную брагу,
Пожать ладонь врагу.

22.08.2020

КРАСАВИЦА – XXI

Ещё ни мало не воспеты
Под небом Средней полосы
Разнообразные аспекты
Её пленительной красы.
Бровей пугающих зигзаги,
Крутая палубная брань
И губы чёрные, как стяги...
И губы чёрные, как стяги
Пиратской шхуны «Астрахань».

Пропоротые щели джинсов,
Торчащие узлы колен...
Кто с этой невидалью сжился,
Тому былые крали – тлен.
На пятке у нее фонарик.
Нападки на неё не в топ.
В фаворе у неё «Феррари»...
В фаворе у неё «Феррари»,
Дизайном сплющенный, как клоп.

Нужна ей физика, как Пиза.
А реактивных сопел грюк
И струи, вырванные сизо,
Ей слаще, чем фанату Глюк.
Бросок ей ставила акула,
А пробивную силу – танк.
На Масленицу, блин, толкнула...
На Масленицу, блин, толкнула
Она в Фейсбуке пару штанг.

Не ей табак, прищурясь, нюхать,
Лак коготком скрести с трибун
Или младенчиков агукать,
Мотая гривкой, как стригун.
У ней эстетика другая.
Она не то, чтоб рокова,
Но если кликнешь: «Дорогая!..» – ...
Да, если кликнешь: «Дорогая!.. –
Зашьёт в подарок рукава.

8.05.2020

ЖИЗНЬ ПОЭТА. ЭКСКУРСИЯ

Примените, пожалуйста, разность.
Если вам интересен поэт,
Из нервозности вычтите праздность
И получите верный ответ.

Мы стоим на Большом Харитонье.
Переулок старинный, Москва...
На углу, в своём собственном доме
Проживала старушка-вдова.

К ней, как к тётке, приехала Таня.
Таня Ларина – юный росток.
Здесь, по снегу Танюшу катая,
Тормознул под окошком возок.

А до этого, – вот вам истоки! –
Жил тут русский, курчавый малыш.
Услыхав замечание тёти,
Он ей шикнул отчётливо: «Кыш!»

Но ему приказал: «Одевайся.
Есть у нас благородная цель», –
И увёз огольца дядя Вася
На учение в Царский лицей.

Как по-русскому Таня хромала
И марасть не умела сама,
Лицеист ей приспел для романа
Перевод дорогого письма.

Он с французского сделан неплохо.
Да уж что говорить? Хорошо!
Хоть считалась отсталой эпоха
В перьях гуся и с карандашо-

м! Но где лицедей легконогий?
Ни Татьяны, ни тётушки нет.
В Харитонии век технологий.
И явился тут новый поэт.

Посмотрите теперь на мансарду:
Домик Карлсона. Свет над Москвой.
Здесь изведал восторг и досаду
Всех подробностей наших герой.

Он в заботах кружит непрерывных.
Сбрить едва успевает усы.
У него на своих же кристаллах
Обе стрелки идут, как часы.

В знаменитом тогда по России
Заведении бывших дворян
То, что люди годами растили,
Он научно в момент растворял.

Это – днём. Но, как с тайной Голгофы,
При луне и уже на дому
Он (без спросу) слагал свои строфы
Неизвестно зачем и кому.

В честной, тесно скажу, комнатёнке
Шириной от раскинутых рук
Он радел, чтоб рассеять потёмки
Не одним корифеям наук.

Несмотря на какие напасти
И на всякий иной неустрой,
Тут стихов накропал он до страсти.
Дело страшное. Лучше не тронь.

А к тому, что бумажная муза
Его за нос водила, мудра,
Регулярно он за угол мусор
Выносил вон в те баки с утра.

Посещали мансарду поэты.
Чичибабин захаживал в дом.
Здесь Коржавин читал триолеты,
Ревич кофе варил под окном.

Говорят (но возможно и пенка),
Что однажды во всю свою прыть
Сюда рвался душой Евтушенко.
Жалко, кода не смог обхитрить.

Здесь жилец, что успел ожениться,
Знал семейного счастья удел.
И сюда же звонил Солженицын.
Он беседу с поэтом имел.

И сюда же порой, – а куда же? –
Утомившись от грустных баллад,
Свои весточки слал Окуджава –
Полюбивший поэта Булат.

Здесь выросли красавицы дочки,
Как бы Чехов сказал: «Три сестры»,
Голубиц образованных кротче.
Здесь гитара без третьей струны.

IV

* * *

В дань Победам,
 В прахе, в гаме,
Между светом
 И потьмами,
Аз – свидетель:
 Без остуды
Тронул ветер
 Наши струны.

Чтобы медью
 И глаголом
Между смертью
 И прологом
Всё опели
 Наши строфы
С колыбели
 До Голгофы.

В мире болей, –
 Речь об этом, –
Между волей
 И запретом,
Мы недужны,
 Небогаты,
Но не дуты
 Наши даты.

18.07.2020

ОДРИ

О СЧАСТЬЕ

Весна! Мне пятнадцать. По лужам – шаги.
В зеркальном дрожанье колеблюсь.
Все в мире дороги ведут в Лужники.
Там – Рим. А до Рима – троллейбус.

Как будто под первого грома раскат,
Туда, не жалея силёнок,
Да так, что упругие рожки искрят,
Счастливый бежит оленёнок.

Забит под завязку ледовый дворец,
Как цирк богоравных калигул.
Москва опустела на вёрсты окрест
В предчувствии «Римских каникул».

Принцесса, как жемчуг в морской глубине,
Смешав простодушие с риском,
Сияет от счастья в экранном окне,
А счастья не может быть слишком.

Его торжество из негласных торжеств.
В своём благородстве роскошном
Оно превращает движение в жест
И мучает взором раскосым.

Оно забирает, как узника, в плен
И держит под каменным сводом.
Оно отпускает без всяких замен
Навстречу постылым свободам.

Веселье оно обретает в тоске
И делает радость печальной...
Троллейбус плывёт по уснувшей Москве.
«Пятнадцатый».

Синий.

Случайный.

В АЛЬПАХ

Босоножка. Парчина в лохмушках.
На ветру расшалившийся хмель...
Остроте её щиколок узких
Позавидовать может газель.
Приближённые герцога Альбы –
Родовитости древней, как лес.
По дороге в швейцарские Альпы
Не встречалось таких баронесс.

Тонконогая стать балеринки
И мальчишеской стрижки сюжет
Подтверждают, что не раболики,
Кто беспечен к распаху манжет.
Пусть бутылка торчит из кармана,
Как горячий привет ледника,
Утро – рано, и всё еще – рано!
Ничему не найти двойника.

Ни изгибу насурмленной брови,
Ни смиренью прощённых обид.
Лишь доверчивость детской любви
В этом взоре невольно сквозит.
Что ж, что крепок штaketник короткий,
Пег булыжник, корява кора,
Если взгляд наполняется кроткий
Искупительной силой добра?

19.07.2020

СОЛЯНАЯ ЛАМПА. МОРРИКОНЕ

По мере лет,
Оставив вечность за спиной,
Всплывает свет
Погасшей лампы соляной.
По мере лет
Всплывает свет,
Точнее, след
Под розоватой пеленой.
Всего лишь след,
А свет давно погас,
По мере лет
Уплыл от глаз...

Спустились днём
Во тьму, на дно угорских руд
За гномом гном
Творить упорный подвиг-труд.
Спустились днём
За гномом гном,
Плеснув огнём
На малахит, на изумруд.
Но малахит
их взоров не привлёк.
Был мал, а хитр
Подземный бог.

Не раз дотоль
В горé стучали молотки.
Рубили соль
А пещерах гномы-горняки.
Не раз дотоль
Рубили соль.

Мелка, как моль,
Взлетала соль из-под руки.
А чтоб добыть
Один большой кусок,
Пришлось добить
Стальной клинок...

Смотри в ответ.
Оставив вечность за спиной,
Всплывает свет
Погасшей лампы соляной.
Смотри в ответ.
Всплывает свет.
Нет, самоцвет
Под розовой пеленой.
Да нет же, нет!
Как след поры иной,
Всплывает свет
Под пеленой.

19.07.2020

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ БАС

Что ты, Федя, давно не поёшь свои долгие песни?
 Распотешь волгарей, потрудись подивить их опять.
 Народись на заре, проживи, опочи и воскресни.
 Ты ведь мог, как никто, необъятное песней объять.

А зима на Москве – это Цюрих, сопливая сырость.
 Солнца с месяц как нет, лишь шуршат ледяные дожди.
 Лишь дожди! Обрушай свою барскую шубу на вырост
 И в кабацкую ночь подпалившийся бонус дожди.

Прежде был «Метрополь» и хрустящая белая скатерть.
 Семь учтивых стрижей каждый свист твой ловили на бис.
 Сбросив на пол меню, ты любил ожидание скрасить
 И шершавым углём рисовал на крахмале эскиз.

Из театра Артиста несли на руках, как хотели,
 Но прошли времена, поменяв номера у квартир.
 А театр всё Большой... Лишь колонны его похудели.
 И в Москве – маскарад: «Отворяй ворота, карантин!»

По бульварам кружит итальянцем сработанный обод.
 В ресторанах Солянки – Полянки – Таганки – Тверской
 Ты кричишь: «Человек!» – А из нетей является робот.
 Просишь: «Щуку на стол!» – Подают тарталетку с треской.

Но горят фонари, и фонтан узнаётся по стуку.
 Купол крохотных звёзд озарился и снова погас.
 А Фортуну спросить: «Это кто там потребовал щуку?» –
 И Фортуна ответит: «Да так... Заблудившийся бас».

Нам нельзя повторить ни минувшее время, ни место.
И нельзя повторять! Партитуры их слишком толсты.
На десерт господам здесь предложат немецкое меццо,
И сиденья, спеша, водружают уже на столы.

26.07.2020

КОЛДУН

Дунь, колдун,
На колдуна,
Выдуй дурь
Из колтуна.

Молодое
Дело – дурь.
На ладони
Поколдуй.

По приметам
Верченой,
Метами
Расчерченной.

Чья забота?
Чья печаль?
Чай, хоть что-то
Примечай.

Есть отрада
У моста?
Кто – отравы
И тоска?

В чём забава?
Где хвороба?
С кем – одна
Любовь до гроба?

21.08.2020

* * *

Женщина плачет, склонясь над столом,
Голову взявши в ладони.
К ней с четырёх подступают сторон
Тихие сёстры недоли.

Первая тень у неё увела
Вслед за собой её веру.
Горе не терпит пустого угла
И забывает про меру.

Если любовь и владеет людьми,
Не навсегда эта странность.
Старость щадить не умеет любви –
Вот и любви не осталось.

Слёзы свои выставлять напоказ
Вовсе не в правилах наших,
Только белки покрасневшие глаз
Не ускользнут от домашних.

Пусть рассуждает о мужестве тот,
В ком равнодушие окрепло.
Чутких злосчастье мучит и жжёт.
Жжёт и сжигает до пепла.

23.07.2020

ВОЛЬНЫЙ ХУДОЖНИК В СВОБОДНОМ ПОЛЁТЕ

1

Вольный художник в свободном полёте!
Настежь распахнуты полы халата.
Словно душа отделилась от плоти,
Это при том, что она на работе,
Но безначальна, легка и крылата.

Сборщики податей вязнут в болоте.
Сторож тревожно храпит на салопе.
Вяжут уставы узлами солдата.
Не по своей, а по царской охоте
Лезут стрелки из чащобы куда-то.
Машет подёнщик башкою кудлато.
Жребий босяк проклинает холопий.

2

Только художник в полёте свободном
Вольно любимым потакает соблазнам,
Делит восторг с голубым небосводом,
Дышит в грозу животворным озоном,
Всею невозбранностью воли обласкан.

Мытарь в мечтах о деньке беззаботном.
Сторож – о новом салопе добротном.
О самоволке – служивый под каской.
С дрожью о волке, завывшем над бродом,
Вспомнил охотник под львиною маской.
Стонет приезжий подёнщик безгласный.
Раб карантинном согбен безработным.

3

Волен в свободном полёте художник!
Правда, наметились дыры в халате.
Грязью обдал его зверь-внедорожник.
Еле хватило на кисть и треножник,
А на квартплату уж точно не хватит...

Мытарь вкушает с изюмом творожник.
Сторож гудит – жизнелюб и безбожник.
Воин разжился фуражкой на вате.
На егерей же посыпался дождик
Милостей царских к охотничьей дате.
Даже подёнщику выпало: «Нате!»
У босяка появился сапожник.

20.08.2020

БРИТАНИЯ

Где ветер от прежних штормов не досох,
 Как веером брызнув сквозь сито,
 Из палого луба, прибудных досок
 Исправная палуба сшита.
 Гуляя, на шканцах плясала волна,
 К тунцам посылая британца;
 Как вывертам Вита, училась она
 Извивам и вывихам танца.

Как будто бы ей подмешал спорыньи
 Нечистый, скользнувши по доскам,
 А море вертело воронки свои
 На плоскостях, драеных воском.
 Недолгие сроки Господь отмерял
 Команде девятого вала,
 Но мёртвою хваткой сжимал адмирал
 Кривую корягу штурвала.

Ладони в нагретое древо вдави,
 Пусть пытку последнюю примут,
 Пока ни забрезжит по курсу вдали
 Проверенный бурями Плимут.
 Не так ли поднялись, – как встарь паруса, –
 «Спитфайеры»³ в огненной свалке,
 И жизнью закрыли врагу небеса
 Наследники этой закалки?!

14.05.2020

3 Английские истребители времен Второй мировой войны.

* * *

Из волнистых, извилистых створок,
Уснадивших морские луга,
Море выберет капелек сорок,
Не спеша расточать жемчуга.

Пусть другие до времени зреют
В глубине недоступной для глаз,
А над ними за парусом реют
Сорок чаек, меняющих галс.

В ком от юности дар обнаружен,
Кто в ночных волхованьях окреп,
Те молочным свеченьем жемчужин
Узнаются на склоне судеб.

20.08.2020

СВЯТОЙ ХАРАЛАМПИЙ⁴

О, святой Харалампий, страдалец непреодолённый,
О, священниче Божий, пред Богом смиренно склонённый,
За вину, что до дна нами выпита грешная чаша,
Испроси нам у Господа Бога прощение наше.
Да одарит в несчастьях Господь благодатью селенья.
Да избавит от брани, нашествий, утрат, нестроенья.
Утверди, о священниче, веру в колеблемых чадах,
Упаси их от хворей и глада, от ересей ярых.
Помолись ты за нас перед Господа праведным Ликом,
Да подаст нам Господь в доброхотстве Своём превеликом
Умножение живности, всяких плодов изобилье.
По молитвам твоим воздадутся сторицей усилья.
Милосердную Троицей живы, и присно, и ныне
И вовеки веков не лишимся Её благостыни.

25.02.2020

4 Авторская версия молитвы, читанной по соглашению 23 февраля 2020 года христианами всего мира во спасение от пандемии короновируса. *Прим. автора.*

* * *

Блюдо с шапкой риса,
Вместо рома сидр.
Отчего так сиро
В окнах моросит?

Клёны, как олени,
Кроны, как венцы,
И в конце аллеи –
Мокрые цветы.

30.07.2020

ПРАГА

Наташе Смирновой

Львиный коготь, царственная лапа. Смутной амальгамы зеркала.
 Я не соглашусь, что Прага – злата. Нет, она из плюмбума-стекла.
 Тот, кто этот дивный город выдул, воздух набирал полтыщи лет,
 А потом единым духом выдал без внесенья постепенных лепт.
 И не просто выдул из расплава, из кипящей гущи хрустала –
 О, искусства славная расправа над богатством, что хранит земля!
 В закоулках путайтесь, потомки. Здесь клубятся в глубине углов
 Маленькие, тёплые потёмки с воркотнёй сердечных стариков.
 Блики окон, кровли, шпили, кромки, отблески

на лицах кружевниц

И трамвай с крутой бегущий горки вдоль мансард

и красных черепиц.

Здесь зимой придёт пора каминам; тут с мечтою

древний труд постичь

Из трубы, окуриваясь дымом, вылезет чумазый трубочист.

Отчий дом ему – родная крыша. Самый вид окрест его целит.

Только он да Бальзаминов Миша так умеют приподнять цилиндр.

Город пахнет прогоревшим углем, как «титаны» дальних поездов,

Тех, что облакам его округлым посвящают свой прощальный зов.

Даже и химеры здесь не страшны, даже пасти львиные химер.

Каждый мной открытый дворик пражский честен

и подробен, как Гомер.

Хорошо стране такой легенды и такой достойной высоты,

Где во тьму колен интеллигентны люди, птицы, звери и цветы.

Где зарок тайные творились; где в ретортах, словно в полусне,

Снадобья волшебные варились лет по сто на медленном огне.

Не сыскался «философский камень», но, к познанию тягу утоля,

Здесь нашлись, прощупаны руками, все рецепты варки хрустала.

И отсюда, поначалу робкий, а потом, обретший звук и тон,

Волнами поплыл по всей Европе дар богемских гор –

хрустальный звон-н-н...

Он собой наполнил венский Шёнбрунн, Эрмитаж,
 Флоренцию, Версаль –
 Этот образ Чехии, что вобран в горный лёд –
 заснеженный хрусталь.
 Дополняя молодо и ново, голос неба встретила земля,
 И переплелись над ней два звона: гул колоколов и хрусталя.
 Зов небесной и земной свободы, к тем, кто вещей смысл
 не растерял;
 Клич небесной и земной работы, обращенный
 к вольным мастерам.
 Но сошлись железные капралы в царствии
 торжественных гробниц.
 Навели на реках переправы, дизелем глуша окрестных птиц.
 «Дайте лишь приказ. Надвинем каски. Твёрдо ляжет
 на курок рука,
 И враждебный мир хрустальной сказки захрустит
 под камнем каблука.
 Разнесём кирзою и прикладом, в сердце с кровью всасывая зло.
 Из брони ударим по фасадам. Да и что там бить? Одно стекло...»
 Время их могилы раскопало, нет захоронений костяней.
 На колени, тени тех капралов! На колени, тени их теней!
 Вы чужой не разумели боли, за собой оставив битый лёд,
 Осудив на двадцать лет неволи призванный свободою народ.
 И лелея войны, как искусство, не чинили над собой суда.
 Вас не жгло мучительное чувство горького державного стыда.
 Я наследство ваше не приемлю, весь пиратских навыков запас.
 Я за вас оплакал эту землю, повинился перед ней за вас.
 Как остры и щедры ваши яства, как любим ваш
 доблестный патруль
 Мне расскажут камни Ново Место в выщербах
 трассирующих пуль.
 И взойдёт над Прагой в год девятый – над булыжной
 плахою из плах
 Добровольным пламенем объятый брат мой Палах,
 обращаясь в прах.
 Чёрный ворон на откосе каркал. Невозбранны скверные дела.

ЩУЧЬЕ СЛОВО

Сказка

СЛАВА ПЕРВАЯ
ГЛАВА «ТО, ЧТО ВАНЯ – ГОЛОВА...»

1

То, что Ваня – голова,
Люди признавали,
Но волшебные слова
Не давались Ване.

Знал он много разных слов
Умных и целебных,
А, припомнив их с азов,
Не нашел волшебных.

Ну, а так... В семье Иван
Жил с женой, как с тещей.
Больше нá реку кивал,
Что достаток тощий.
«Нонче ловится карась
Втрое хуже, чем вчера!».

С Ванею в холопской клети
Проживали малы дети,
Прозывались Куч-мала:
Столько мамка родила.

Взял Иван барана в дом:
Шерсть колечком, нос горбом,
Но беда, что кровь Панкрата
В жилы давит слабовато.

Куры (там, где много крох)
В перьях зело чёрных.

Посреди – петух на трёх
Пальцах золочёных.

Что козлятам мудровать?
Зацепились рожками –
Ну, бодаться на дровах
На́ смех курам с крошками.

Летом хвастался комар
Сёстрами и братьями.
По отцу комар Макар.
Так же и по матери.

Мрел в щели знакомый клоп.
Жгла блоха на нитке.
Всех любил Иван. А то б!
Было б их в избытке...

Где гуляли кабаны,
Каждый день, как заново,
На деревне Бабаны
У сельца Бабаново
Жил глава большой семьи.
Всё бы так, да всех корми.
А Ванюша, хоть не жадный,
Но крестьянин безлошадный.

2

Раз на ярмарке случись
Встреча с мужиками.
Рыбу продал, а сочлись
Майскими жуками.
Ох, наживка хороша,
Кто ловил удою!
Отдохни от рыб, душа,
Дело не худое.

Заворачивай в трактир,
Выбирай начинки,
В блюдце дуй среди картин,
Разогнав чаинки.
Ешь, как все, не торопясь,
Чинно и степенно,
А не то уколет язь...
В общем постепенно
Разговор о хомутах
Переходит к ящуру
И к тому, что в омутах
Щуку говорящую
То ли видел, то ли нет,
То ли филин, то ли дед.
Щука знает больше слов,
Чем ее прабабка.
Чует Ваня: «Вот улов!..
Это не зубатка.

С мужиками благодать,
То-то к ним и чалю.
Самовар поклокотать
Дозволяет чаю.
Рыжий кот мурчит в усы,
Где баранки связкой.
Как приятно на Руси!
Как уютно с Васькой!

Хорошо еще в конце
Укрепиться в вере б,
Помолясь в Череповце
На овечий череп,
Потому как черепок, –
Слышал, врать не стану, –
По молитве кровоток
Укрепит барану.»

А про щуку и забыл
Среди всех делов-то.
В домино «козла» забил –
Вышла бабе кофта.
А вернулся и поник.
Кончен праздник. Баба в крик!
Глаза вылупила
И завыла пила.
Ей обидно, что без денег
Муж явился, как бездельник.
То словом стрельнёт навывлет,
То тупой разводкой пилит:

«Что ты, дурень, с мужиков
Выручил за рыбу,
Окромя одних жуков,
Вздыбь тебя на дыбу?!

А пока я с Куч-малой
Бьюсь, как щука в яме,
Ты же – прах тебя зарой! –
Кутишь не с детьми...

Как паршивая овца,
Напоследок выдал:
Черепám Череповца
Поклонился, идол!

Отправляйся к омутам,
Налови зубаток.
Показал бы кому там
Срам своих заплаток.»
Помолчал Иван в тоске
И, махнув, пошёл к реке.

А ТЕПЕРЬ ВТОРАЯ СЛАВА ПРАВДА СЛЕВА, ПРАВДА СПРАВА

1

И, махнув, пошёл к реке,
Ко студёной Ужбе.
Может хвостики каке
Выкинет по дружбе.

Дождевых червей копалец
Только сунул в воду руку,
Щука клонула на палец.
Ваня – дёрг! И вырвал щуку.
Та захлопнула оскал,
Так на пальце и таскал.
С лодки бросил на мосточки.
Голод выел щучке щёчки,
Сделал тощей хворостиной.
Щучьи мощи пахнут тиной,
Бьются на горбах досок,
Испускают голосок:

«У меня в холопской клети
Пропадают малы дети,
Пуще плачут без угляда
Малолетние щуклята.
Отпусти меня ты с миром,
Опусти обратно в Ужбу,
А за милость к деткам сырým
Сослужу тебе я службу.»

Отвечает Ваня щуке:
«Я рыбащу не со скуки.
И мои в холопской клети
Пропадают малы дети.

Да и баба с голодухи
Ходит целый день не в духе.
Говорит: «Придешь пустой –
И не думай в дверь толкнуться.
До утра с кустами стой,
Где улитки волокутся.»

Вишь как!.. Две холопы клетки,
И в обеих малы дети.
Хоть бы слева, хоть бы справа...
Обе правды, как отрава!
Не занозь меня, заноза,
Не точи меня, фреза;
Пыль сухая из-под воза
Не слези мои глаза!
Как ты, щука, ни востра,
Не возьмишь ерша с хвоста.
Не вини линия, сома
В том, что я – страдалец.
Ты же, клык, меня сама
Цапнула за палец.
А теперь: «Холопья клеть...
Малые щуклятки...
Можно так и околеть...»
С лодочки-дощатки
Я поймал тебя на целый
Палец, руку утопя,
А теперь неполноценный
Остаюсь через тебя.
Прокусила, рыбья кость,
Чуть ли прямо ни насквозь!
Чуть наддай да и дожала б.
Но сейчас мне не до жалоб.
Грех добычу упустить.
А поджарить – не убить.

Есть такие самородки:
Раз! – и прыг со сковородки.»

2

Щука бьёт хвостом по доскам –
Горбылям кривым и жёстким.
С боку вертится на бок,
напрягает голосок:

«Пощади меня, Ванюша,
Пожалей мою слезу.
Я же, Ваня, так вонюча –
Всю избу вам зачажу.
Ты попарься лучше в бане;
Не шатай, тоска, ворот;
Откажи постылой бабе,
Сам не ешь со сковород.
Предпочти, Ванёк, ушице
Конский щавель, кислых щец.
Покроши лучок душистый –
Сочный, в стрелку, зеленец.
Я – старуха. Зубы в тине.
Ломит кости, гнёт недуг.
Триста лет лежу в трясине.
Что за радость – кушать щук?
Отпусти, ей-богу, к сырим
Деткам в Ужбу, как прощу.
Я тебе за это с миром,
Ваня, службу сослужу.»

«Службу?.. Что ты можешь, копать,
Промышляя в омутах,
Окромя, как с маху шлёпать
Кого в темя, кого в пах?
Триста лет стеречь в болоте,
Как я палец опущу?..

Не бывать твоей свободе!
Не проси, не отпущу.»

Раздувает жабры рыба,
С боку валится на бок,
Но ещё живая, ибо
Снова слышен голосок:

«Поднеси ты меня лучше,
Как младенцу, к плечу,
И тебе я слово щучье
По секрету прошепчу.»

И на третий раз в ответ
Просьбу Ваня не отверг.

Повернулась – ó-пля! – цапля
И поджала цепко ножку,
И упала с ножки капля
На нехоженую стёжку.
Ваня – щуке (а не цапле):
«Только за́ ухо не цапни,
Оправдавшись, что любя.»
«Что ты!»
«Знаю я тебя...»

Прекратил работу дятел,
Хоть ствола не додолбил.
Значит, умница, не спятил,
Любопытства не отбил.

И колюченький, как ёршик,
Отшуршал шу-шу-ка ёжик.
Не шевелится, прижух
Под листом, что жёлт и сух.

Разветвленностью извилин
 Поразил природу филин.
 Лишь однажды ухнув: «Ух!» –
 Обратился филин в слух.

Все готовы, всё готово
 Разузнать про щучье слово.

3

Что-то стало страшновато...
 Было всё слышать и – бух! –
 Ажно вата, ажно вата
 Заложила пышно слух.
 Может сделать глухота
 Беспольными уста:
 «Открывает рыба рот,
 А не слышно, что поёт.»
 То ли бает слово щучье,
 То ли дурью достаёт.
 Лишь Иван вполне живой
 Щуке машет головой,
 Подтверждает: слышу-слышу.
 Раскричалась... Не глухой.
 А народ не различает
 Ни словечка в речи той.

Злится цапля, фыркнул ёж.
 Ничего не разберёшь!
 Но едва лишь до конца
 Досказала щука –
 Отпустила глухотца,
 Прекратилась мука.
 И ушам уже не страшно:
 «Что услышал Ваня наш-то?..»

Ну, а щука – сущий шнырь –
Сразу выскользнула: нырь!
Не успели вскрикнуть: «Ах!» –
Как пропала в омутах.

Так народ остался с носом.
Щучье слово под вопросом.
Ваня знает, но молчит.
Никому не говорит.
А загадку разгадать
Не подкладку раскатать,
Подпороть и обнаружить
В ней запрятанную кладь.

Цапля-птица
Молвит: «Впору
Обратиться
К заговору.
Если спор из-за кого,
Помогает заговор.
Он один нам и докажет,
Что тут правда, что тут вздор?»

Древнее да верное,
Верное – волшебное,
Вязкое, не плотное,
С ряскою, болотное,
Скользкое, как глина,
Щучье слово – ТИНА!»

Возмутился дятел:
«Я ещё не спятил.
Слышать слово «тина»
Глупо и противно.
Предложить хочу на спор
Свой короткий заговор.

«Древнее да верное,
Верное – волшебное,
Тёмное, корявое,
Пухлое, трухлявое,
Но опрятно и кругло́
Слово щучье – ДУПЛО!»

Зашуршал шу-шу-ка ёж:
«Дятел... Что с него возьмёшь?
Вы послушайте на спор
Мой короткий заговор:

«Древнее да верное,
Верное – волшебное,
Сочное, пахучее,
Спелое, падучее –
С высоты летит сквозь сучья
ЯБЛОЧКО – словечко щучье!»

Ох, далёко был петух,
Но события эти
Оскорбили тонкий слух
Корсиканца Пети.
Он потрянул звоночки шпор
И призвал к порядку спор.

«Древнее да верное,
Верное – волшебное,
Оку не открытое,
Под землёй зарытое
На аршин ли, на вершок
Щучье слово – КОРЕШОК!»

Молодой комар Макар
 На руке Ивана
 Хоботок, подлец, макал
 В палец ветерана
 И тянул сквозь волосок
 Ветеранов кровоток.
 Сбоку ранку проколов,
 Пискнул: «Всё вам шутки.
 Стыд! От ваших «щучьих слов»
 Покраснели ушки,
 В том числе у вас самих –
 Самозванцев и шутих.
 Подтвердят и топь, и бор
 Мой короткий заговор:

«Древнее да верное,
 Верное – волшебное,
 Сладкое да ясное,
 Вкусное да красное,
 Целит в веко, а не в бровь
 Щучье слово – слово КРОВЬ!»

До деревни шум дошёл,
 До глуши бабановой.
 Показался недосол
 В нём жене ивановой.
 Тут и вклинь бабёнка в спор
 Свой короткий заговор:

«Древнее да верное,
 Верное – волшебное,
 Толстое, патлатое,
 Глупое, лохматое,
 Мука моя мучья:
 ДУРЕНЬ! – слово щучье.

Дурень, рыбы потроха!
Вражья наука.
Из червей твоя уха,
Прах тебе на ухо!

Вместо щучьих козухов
(Не щипли бородку!)
Хочешь жареных жуков
Горкой сковородку?

Рыбье мясо упустил
В омут, неук дюжий?
Нет с тобою больше сил,
Рыбник неуклюжий.

«Дурень» – вот и весь улов.
Экая обновка!
Знала и без щучьих слов
Это щучье слово.

Выйди к Ужбе, не кося,
Поклонись кормилице;
Испроси хоть карася
По великой милости.»

СЛАВА ТРЕТЬЯ (БОЛЬШЕ НЕТ) ОТКРЫВАЕТСЯ СЕКРЕТ

1

«По великой милости
К самому порожку
Ты мне, Ужба, вымости
Лунную дорожку.

Скину с ног колодочки.
Вёсла шевельну,
Поплыву на лодочке
Прямо на луну.

Дрёма закемарила –
Случай поберёт:
Отогнал комарика
Тёплый ветерок.

Горюшко залечится
Ласкою дремот.
К бережку теченьице
Сонного прибьёт.

Щебетнёт соловушка –
Ночка коротка,
И разбудит солнышко
В лодке рыбака.»

По утра́ проснулся Ваня,
Ворохнул вчерашний день
И собрался на заданье
За расшатанный плетень.
Не жaley трудов, Иван!
Разыщи в шкафу кафтан.

Из ноздри подувши в ус
Да напяливши картуз,
Ноготок продень слегка
В щель худого лапотка,
Чтоб идти без лишних слов
Обеспечивать улов.
Ты готов делиться с нами
Всем на свете: дружбой, снами
И рыбачьими снастями,
Но делиться щучьим словом –
Нет, признайся, не готов.

Я и сам искал иного,
А не «дурень», щучья слова.
Сам не свой ходил, навроде
Тех, кто зарится на шёлк.
Истолкался весь в народе,
Сбился с ног, пока нашёл.
А нашел – чего таить,
Укрывать, тянуть, томить?
Не скажу, что на ходу́ лень
Мне теперь его открыть.
Щучье слово – слово ДУРЕНЬ.
Угадала бабья прыть!

Но ещё река ли, море
Выплеснут на бережок
Щучье слово КРОВЬ, а кроме
КРОВИ, крепкий КОРЕШОК.

А ещё в лесу-садочке,
Хоть забот и полон рот,
Слово ЯБЛОЧКО для дочки
Папа-ёжик принесёт.

И давнишний наш приятель,
Всем не верящим назло,
Продолбит хохлатый дятел
Слово щучье ДУПЛО.

Чья-то тень крадется тихо...
Карасю легко пропасть,
Если щучье слово ТИНА
Обматает чью-то пасть.

Через солнышко рябое
Сыпанет дожжок косой.
Знаю: может быть ЛЮБОЕ
Слово щучьим – вот в чём соль.

Трепеща, поищет строчку,
На седьмой зарé звуча,
И вонзится, точно в точку,
Как стрела царе-вича!

Точно в точку! Знаю, чую...
Встречным воздухом дыша,
Встрепенись по слову щучью,
Задремавшая душа!

С немотой моей расторгни
Постоянный договор,
Вширь раздайся, вглубь растрогай,
Достучись, хоть до кого.

И по дружбе, голос снизив,
Прошепчи, как я бы сам:
«Слава Ужбе... Слава жизни...
Щучьим узанным словам...»

2

А пока что суд да дело,
Однава заря дордела,
Чтобы дать другой блеснуть.
Значит, рада, порадела
Ради дела, хоть чуть-чуть.

Скушал Ваня из горшка
Кашу с ложкой молока,
И ботвы уплёл от пуза:
Ровно столько и уплёл.
Покачал кусочек зуба.
Строгий выслушал укор.
Упрекнула Ваню репа,
почему она без хлеба?
Вспомнил щуку, тяжбу, Ужбу,
Собираясь на службу.
(Не забота, что суббота,
Раз любимая работа).

«Ты мне, Ужба – мать родная.
Всё исполню, как велишь.
А что горе-борода я,
Никого не удивишь.
Нонче щучка сбаловалась
И на палец не клюёт.
А ещё не мала-малость:
Где добыть в деревне йод?
Для того, чтоб жить не жидко,
Рыбаку нужна наживка.
Кто цепляет червяка,
Кто прельстится на жука,
Ну, а та смахнёт стрекозку.
Вот вам туес и уклал.

Так, глядишь, и нашукал
С миру Куч-мале на соску.»

Взял большой сачок Ванюха, –
Марля в прозелень желта, –
Кислой ржавчинки понюхал
На прощанье у болта.
Ключ воткнул и запер шило.
Повздыхал невесть о ком.
«Если в глотке запершило,
Надо греться молоком», –
Поучил себя в углу.
Возражать не стал: «Угу.»
Шею тряпками накутал,
Покрасивше чтоб навить,
И отправился на хутор
Рыхлых бабочек ловить.

25–27.07.2020

СЕДОЙ ОРЛЁНОК

Эссе

Иван Алексеевич Бунин прожил большую жизнь, по-делившуюся на две неравные части: 1870–1920 гг. — в России и 1920–1953 гг. — в эмиграции.

Фактически — две жизни.

Мировое признание получил Бунин — писатель, непревзойденный рассказчик, мастер изобразительности (Нобелевская премия по литературе 1933 года). Между тем на протяжении всей своей жизни он писал стихи. В России много, во Франции хоть и мало, но все же до конца дней. Однако лирика Бунина всегда оставалась в тени его прозы. Это его обижало. Не мог он согласиться с тем, что как поэт полностью выразил себя в прозе. Но факт остается фактом: Бунина-поэта мы знаем хуже, чем Бунина-прозаика. Тому есть свои причины. И первая, может быть, в том, что лирика его сугубо традиционна. Он — мэтр короткого стихотворного пейзажа, певец любовных переживаний. Его стихи классичны по форме. Формой он владеет блестяще, но это старая форма (восьмистишие, сонет, подражание древним). Если стихотворные размеры, то классические. Если рифмы, то исключительно точные. В эпоху “новизмов” начала XX века (символизм, акмеизм, футуризм) традиционная поэзия в глазах тогдашних новаторов выглядела архаичной, а высокий авторитет ниспровергателей влиял на вкусы новых поколений.

Как поэт, Бунин начинал в пору растущей популярности того европейского движения, которое получило имя символизма, прославило русский Серебряный век и, в частности, вошло в историю культуры в качестве противника норм общепринятой морали. Высшей ценностью символисты почитали культ красоты вплоть до эстетизации порока. Именно это закрепило за ними ярлык декадентов — сторонников упадочного творчества. Французским *decadence*

(упадок) был назван этап в развитии искусства, который, между прочим, характеризовал не что иное, как его взлет: расширение художественного пространства, новизну по сравнению с традиционным реализмом, чьи возможности представлялись символистам исчерпанными. Но Бунин-поэт как раз полностью принадлежал традиции, его духовный строй оставался чужд новациям символистов. Казалось, что они обошли его на повороте, и как будто оставили на обочине литературной дистанции, однако со временем выяснилось, что это вовсе не так. Да, упражнения в поисках необычных форм (а с ними, заметим, и содержательной новизны) Бунина не занимали. Да, его интересовало постижение зримого и пережитого, но постижение не путем формальных новшеств, а с помощью классического арсенала средств художественной выразительности. Удивительно, что, едва ступив на литературную стезю, молодой поэт не влился в набиравшее силу новое движение, а своей подчеркнутой «старомодностью» составил с ним ощутимый диссонанс. Он не испугался прослыть консерватором, даже архаистом. Позже эту независимость Бунина от молвы высоко оценит такой строгий критик и тонкий знаток поэзии как Владислав Ходасевич: «Бунинская поэтика... представляется последовательной и упорной борьбой с символизмом. Эта борьба была тем более героической, что Бунин оказался один и не побоялся глубоких ран, которые она ему нанесла. Он вырвал (или старался вырвать) из своего творчества все, что могло в нем быть общего с символизмом. Но в символизме пороки срослись неразрывно с добродетелями, неправда с правдой. Раз навсегда отвергнув неправды символизма, Бунин заодно отказался и от некоторых насущных правд и возможностей, если не впервые открытых, то все же глубоко усвоенных и декларированных именно символизмом.»

2

Лирика Бунина лишена эпатажа, броскости, актуальных вызовов. Она вдумчива, сокровенна, соприродна. Она не

трубит о себе. Ее неприязтельность надо еще приветить, полюбить.

Голубое основанье,
Золотое острие...
Вспоминаю зимний вечер,
Детство раннее мое.

Заслонив свечу рукою,
Снова вижу, как во мне
Жизнь рубиновой кровью
Нежно светит на огне...⁵

Именно так: ток жизни пронизывается огнем свечи сквозь кожу поднесенной ладони...

Или переданное четырьмя строками радостное ощущение прибрежного утра:

Летом в море легкая вода,
Белые сухие паруса,
Иглами стальными в невода
Сыплется под баркою хамса...

Наряду с метафорической оригинальностью (здесь: хамса, как стальные иглы), тестом на талант служит изобразительно-точное употребление глаголов. То, что хамса именно *сыплется*, передает зрительное ощущение ее мелкости, бесчисленности, дробности, а по ассоциации со сталью еще и блеска переливающейся на солнце чешуи. Обратим внимание на то, что ни солнца, ни свежести пропахшего рыбой ветра в приведенной строфе нет, однако они улавливаются, как это бывает у больших поэтов, когда не высказанное на бумаге дорисовывается читательским

5 Здесь и далее все стихи Бунина цитируются по изданию: И. А. Бунин. Собрание сочинений в восьми томах. Том первый. М., 1993.

воображением. Сказано мало, а выражено много. Масштаб художника зависит не от монументальности замысла, не от количества затраченного материала. Он определяется оригинальностью и глубиной проникновения, сугубым качеством. Искусство аристократично. Оно требует аристократизма и от своих ценителей. Демократично ремесло. Потому во все времена ремесленников были тьмы, а художников единицы. Точно так же и читателей ремесла тьмы и тьмы (потому так велик его коммерческий успех), а читатель Бунина должен обладать опытом жизни, книжной культурой, художественным вкусом. Чувствовать колорит Востока. Знать библейскую и русскую историю, мифологию. Ощущать слово почти как материальный объект. Такие читатели избирательны. Их не может быть много. Не говоря уже о таких писателях.

Среди стихотворений, не включенных Буниным в собрания сочинений, есть отрывок «Веснянка», в чем-то родственной «Снегурочке» Островского; отрывок, от которого веет дыханием русской старины.

Перед грозой, в Петровки, жаркой ночью,
Среди лесного ропота и шума,
Спешил я, спотыкаясь на коряги
И путаясь меж елок, за Веснянкой.
Она неслась стрелой среди деревьев
И, белая, мелькала в темноте,
Когда зарницу ветром раздувало,
А у меня уж запеклись уста
И сердце трепетало, точно голубь.
«Постой!» — хотел я крикнуть — и не мог.

Здесь — несмотря на все волшебство главного действия: погони за Веснянкой — возникает стойкое ощущение подлинности происходящего; уместности каждого произнесенного слова.

<...>

Вдруг молния всю чашу озарила
 Таинственным и бледно-синим светом...
 «Стой! — крикнул я. — Лишь слово! Я не трону...»
 (Она остановилась на мгновенье.)
 «Ответь, — вскричал я, — кто ты? И зачем
 Ты здесь со мной встречалась вечерами,
 Ждала меня над заводью темневшей,
 Где сумрачно и тускло рдели воды?
 Зачем со мной ты слушала, грустя,
 Далеких песен радость молодую?»

Зачем потом, когда они смолкали
 И только комары звенели сонно
 Да нежно пахло сонною водой,
 Ты разбирала ласково мне кудри,
 А я глядел с твоих колен в глаза?
 Зачем во тьме, когда из тихой рощи
 Гремели соловьи, ты наклонялась
 К моей щеке горячею щекой
 И целовала сладко, осторожно,
 А после все томительней и крепче?
 Скажи, зачем?..» Она лицо руками
 Закрыла вдруг и кинулась вперед.

И долго мы, как звери за добычей,
 Опять бежали в роще. Шумный ливень
 По темным чашам с громом бушевал,
 Даль раскрывали молнии, и ярко
 Белело платье девичье... Но вдруг
 Оно исчезло, точно провалилось.
 Я выскочил с разбега на опушку,
 Упал в овес, запутанный и мокрый,
 И зарыдал, забился...

3

Бунин — из последних по времени вершин русской дворянской культуры. Он и прост, и труден. Не каждый без усилия вникнет, например, в стилизованный древнерусский язык стихотворения «Святой Прокопий». Это не пародия на старинные «достопримечательности» в духе отставного премьер-майора Федота Кузьмича Пруткова, но как бы воскресший памятник древней поэзии, сочетающий в себе лексическую архаику средневековья с неизвестным тому белым стихом. Как говорил автор, эти стихи — «жесточайшая, сугубо русская страница из жизни святого Прокопия».

Бысть некая зима
Всех зим иных лютейша паче.
Бысть нестерпимый мраз и бурный ветер,
И снег спаде на землю превеликий,
И храмины засыпа, и не токмо
В путех, но и во граде померзаху
Скоты и человецы без числа,
И птицы мертвы падаху на кровли.

Бысть в оны дни:
Святый своим наготствующим телом
От той зимы безмерно пострада.
Единожды он ношью прииде
Ко храминам убогих и хоте
Согретися у них; но, ощутивше
Приход его, инии затворяху
Дверь перед ним, инии же его
Бияху и кричаще: — Прочь отсюду,
Отыде прочь, Юроде! — Он в угле
Псов обрете на снеге и соломе,
И ляже посреде их, но бегоша
Те пси его. И возвратися паки
Святый в притвор церковный и седе,

Согнуся и трясьйся и отчаяв
 Спасение себе. — Благословенно
 Господне имя! Пси и человецы —
 Единое в свирепстве и уме.

Как хорошо, что никто не может заподозрить Бунина в авторстве «Слова о полку Игореве». В противном случае можно не сомневаться, что филигранность его стилизации, если бы она состоялась, задала бы работу лингвистам: какой текст перед нами? Подлинник XI века или позднейшая фальсификация?..

Мы живем в пору памятников и в пору страстей по памятникам. Если с Тверской свернуть в пешеходный Камергерский переулок, то сразу при входе, посреди переулка, как будто на авансцену, вынесены отлитые в бронзе основатели Московского Художественного театра Станиславский и Немирович-Данченко — актеры, режиссеры, организаторы театрального дела, воспитатели поколений мастеров сцены. А справа — позади них, словно глубоко в углу кулис, перед глухим торцом старого дома виднеется одинокая фигура Чехова — всего лишь писателя. Какой из него артист?.. По словам литератора Алданова, «Чехов читать вслух не любил и не умел, у него была и плохая дикция». Вслух ему его же рассказы читал Бунин, и это чтение Чехова восхищало. Тем более, можно заключить, что диспозиция с памятниками в Камергерском правильная: кому надо — на виду, кому не надо — на отшибе...

Между тем очевидцы рассказывают следующую историю. Вскоре после смерти Чехова Художественный театр проводил литературный утренник, посвященный 50-летию писателя. Выступали все корифеи МХТ, но особый успех у переполненного зала выпал на долю Бунина, который изобразил Чехова в их диалоге узнаваемым до мельчайших подробностей — со всеми чеховскими жестами, интонациями, мимикой. Перевоплощение было полным. Чуть ли ни на другое утро Станиславский и Немирович вдвоем

прискакали к Бунину с нижайшей просьбой: на любых условиях вступить в труппу Художественного театра. Бунин в ответ только рассмеялся... В самом деле, мог ли он согласиться на то, чтобы, повторяясь, играть по вечерам отдельные, кем-то сочиненные роли вместо того, чтобы, каждый раз создавая новое свое, как автор, воплощаться во все возникающие из-под его пера персонажи; мысленно быть режиссером, сценографом, художником по костюмам, композитором, даже суфлером, подсказывая самому себе забытое слово!.. Пускай Чехов не любил и не умел читать вслух, — просто читать! — не то что «декламировать», не то что украшать собою мизансцены; пускай дикция у него была плохая, а Бунин читал превосходно и с дикцией у него тоже было все в порядке, но оба они обладали артистизмом создателей, с которым артистичность исполнителей не могла конкурировать никак. Свой необыкновенный дар художественного воспроизведения любого фрагмента жизни, который он увидел или придумал, Бунин с блеском проявил, как прозаик, когда его вдохновенные маскарады, портретное мастерство, талант пейзажиста — вся изумительная пластика речи — достигли такой изобразительной силы перед которой склонился Лев Толстой. А вот в стихах Бунин как будто сжимает себя обручем сдержанности, остерегает обетом целомудрия. Словно, в отличии от прозы, стихи для него нечто полусакральное, не допускающее — не приведи Господь! — фривольности, того «декаданса», против которого он выступал, как одинокий воин. «Эстетизация порока» со всей мужской определенностью проступает порой в его прозе, не принимая, впрочем, слишком рискованных форм, не отдергивая полог и не искушая свидетеля смакованием греха. Что же касается стихов, то, по сказанному выше, поэт оберегает свою музу от излишне зрелого опыта, как рыцарь оберегает даму сердца. Он жертвует многим, может быть, слишком многим, только бы сохранить чистоту идеала. И совсем не трудно представить его восходящим — ступень за ступенью — по *Лестнице samozапветов*:

- того, что можно в воображении, нельзя в жизни;
- того, что можно в жизни, нельзя в прозе;
- того, что можно в прозе, нельзя в поэзии;
- того, что можно в поэзии, нельзя в молитве.

4

Бунин воплощал собой редкий тип славянской мужской красоты, в котором привлекательной ранней седости отвечает ладная молодость, а почти танцевальной легкости движений — вся гибкость и чуткость душевной пластики. Поэт, как прутик упругой антенки, улавливает колебания тварного мира, его космических и земных полей; совпадения соляных потоков и социальных бурь. Он острее других чувствует на себе власть космоса, его влияние на жизнь людей, на всплески исторических драм. Но он обладает еще и неким мистическим правом предчувствовать роковое, и не только предчувствовать, но и обращать посланный ему дар в образы пророческой глубины. Так приснопамятным Девятым января 1905 года — днем «кровавого воскресенья», столкнувшего с места, двенадцать лет мотавшего по путям и загнавшего в тупик, на станцию Дно царский поезд Российской империи, — именно этим днем! — Бунин пишет своего «Пророка» — поэму «Сапсан».

В полях, далёко от усадьбы,
 Зимует просяной омет.
 Там табунятся волчьи свадьбы,
 Там клочья шерсти и помет.
 Воловьё ребра у дороги
 Торчат в снегу — и спал на них
 Сапсан, стервятник космоногий,
 Готовый взвиться каждый миг...

Герой поэмы убивает Сапсана, но с тех пор каждую ночь к нему приходит незримый гость, оставляющий в снегу «когтистый след». Отныне кто-то постоянно сопровождает

стрелка, уклоняясь от встречи с ним и заставляя пребывать его в смертельной тревоге.

...Но он не шел. Луна скрывалась,
Луна сияла сквозь туман,
Бежала мгла... И мне казалось,
Что на снегу сидит Сапсан.
Морозный иней, как алмазы,
Сверкал на нем, а он дремал,
Седой, зобастый, круглоглазый,
И в крылья голову вжимал.

И был он страшен, непонятен,
Таинственен, как этот бег
Туманной мглы и светлых пятен,
Порою озарявших снег,
Как воплотившаяся сила
Той Воли, что в полночный час
Нас страхом всех соединила —
И сделала врагами нас.

9.01.1905

Двумя годами позже поэт и художник Максимилиан Волошин назовет бунинского «Сапсана» драгоценностью, обратив внимание на образцовую эстетику письма: «Это чистая, строгая живопись... Ни одной яркой краски, ни одного сияющего слова, но каждое слово полно неумолимой верности и точности». И дальше — еще не различая пророческой силы поэмы, но как будто предвосхищая какую-то скрывающуюся в ней невыразимую беду: «Из-за слов встает огромная мистическая неизбежность пустынной ночи». В день создания поэмы и сам автор не мог знать, куда устремится «та Воля», что «соединяет и делает врагами». Поэт не предсказывает, поэт пророчествует. Если предвидение ума осознанно пролонгирует настоящее

в будущее, то пророчество есть метафорически угаданное извлечение тайного из вечного.

Лаконично замечание прочитавшего «Сапсан» Александра Блока — первой величины ненавистного Бунину русского символизма, и тем оно значительней: «Только поэт, проникший в простоту и четкость пушкинского стиха, мог <так> написать о “сапсане”, призрачной птице — гении зла»⁶.

«Простота и четкость пушкинского стиха» — слова ключевые для понимания той традиции, которой наследует Бунин. Он прост по форме и содержательно полон. Двойной парадокс бунинской лирики состоит в том, что умозрительно он считал поэзию недоступной слову («Поэзия темна, в словах невыразима...»), при этом в собственном творчестве воплощал ее с предельной прозрачностью — смысловой и звуковой, но на глубине все равно оставлял место для «темного следа», для необъятной бездны, которая открывается за опрокинутым в себя взором дремлющего Сапсана.

5

Восприятие стихов Бунина требует понимания того, что поэзия не исчерпывается плакатным пафосом, форсированием голосовых связок, изысками невиданных форм. Она — повсюду, а для того, чтобы ее разглядеть, необходимо одно: взгляд художника. И таким взглядом Иван Алексеевич Бунин обладал в полной мере. По словам историка литературы Федора Степуна, у Бунина глаз “две пары: орлиные на день, совиные на ночь”⁷.)

Не он ли дневным орлиным оком увидел, как чайки, снижаясь над бухтой,

... белою яичной скорлупой
Скользят в волне зелено-голубой...

6 А. Блок. Собрание сочинений. Т. 5. М. — Л. 1962. С. 144.

7 И.А. Бунин. Собрание сочинений, т. 1, Московский рабочий, 1993. С. 15.

Или ночным взором совы заметил, что

Глаза козюли, медленно ползущей
 К своей норе ночью сонной пущей,
 Горят, как угли. Сумрачная мгла
 Стоит в кустах — и вот она зажгла
 Два ночника, что зажигать дано ей
 Лишь девять раз, и под колючей хвоей
 Влачит свой жгут так тихо, что сова,
 Плывя за ней, следит едва-едва
 Шуршанье мхов...

Это он, рисуя портрет пилигрима, объединил в нем оба облика: и орла, и совы:

Орлиный клюв, глаза совы, но кротки
 Теперь они: глядят туда, где синь
 Святой страны, где слезы звезд — как четки
 На смуглой кисти Ангела Пустынь...

Если бы пришлось обозначить поэзию Бунина метафорически, то можно было бы прибегнуть к его собственному образу. Порой она напоминает клетот орленка, тогда как автор, — юный и многомудрый, с его хищным, радужно расцвеченным зрачком, с его жаждой покорения духовного неба, — и есть седой орленок, прилепившийся на уступе утеса, на краю горной гряды, над клубящемся далеко внизу морем.

Обрыв Яйлы. Как руки фурий,
 Торчит над бездною из скал
 Колючий, искривленный бурей,
 Сухой и звонкий астрагал.

И на заре седой орленок
Шипит в гнезде, как василиск,
Завидев за морем спросонок
В тумане сизом красный диск.

11.07.2020 (дата завершения)

СОДЕРЖАНИЕ

«В карантинé» 5

ДНИ И ДАНИ. Стихи

I

Ворон	9
Маменька и Мишенька	11
Великий пост	13
На путях	14
«Брёл мужик, кляня овраги...»	16
Морская соль	17
«Полетела в небо рота...»	18
Скрипач	19
Новогреческое	20
Думка	22
Сонет	23
Пушкин. Письмо	24

II

Метаморфозы	30
Чарли Чаплин	31
День Metallурга	32
Вертинский. Серебряные бусы	34
«Свой колючий холод...»	36
Датастан	37
Маршал Жуков. Мурал	40
Больной котёнок	41

Босфор	43
Речитатив	45
Лемнос	46
Граф А. К. Толстой. Аграфена	48

III

Зима	51
Свежая газета	52
Рома-долото	53
Дорожная история	
<i>Триолет</i>	55
<i>Рондо</i>	55
<i>Баллада</i>	56
<i>Катрен</i>	57
Карантин	58
Падишах	59
Военная хитрость	60
Разговор барана со стеной	61
Вирус обостряет жажду общения	62
Баланс	64
Красавица–XXI	65
Жизнь поэта. Экскурсия	67

IV

«В дань Победам...»	71
Одри	
<i>О счастье</i>	72
<i>В Альпах</i>	73
Соляная лампа. Морриконе	74
Заблудившийся бас	76
Колдун	78

СОДЕРЖАНИЕ

«Женщина плачет, склонясь над столом...»	79
Вольный художник в свободном полёте	80
Британия	82
«Из волнистых извиристых створок...»	83
Святой Хараламбий	84
«Блюдо с шапкой риса...»	85
Прага	86
ЩУЧЬЕ СЛОВО. Сказка	91
СЕДОЙ ОРЛЁНОК. Эссе	111

Художественное издание

Алексей Евгеньевич Смирнов
СВОБОДНЫЙ ПОЛЕТ

Издатель *Леонид Янович*
Корректор *Ольга Крупченко*
Художник *Владимир Хананов*
Верстка и оригинал-макет *Михаил Щербов*
Автор фото *Мария Смирнова*

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Ассоциация «Издательство Новый Хронограф»
Контактный телефон в Москве: +7 (916) 651-30-94
по вопросам реализации: +7 (985) 427-91-93
E-mail: nkhronograf@mail.ru
Информация об издательстве: www.novhron.info

Подписано к печати: 29.09.2020
Формат 60 × 90/16, бумага офсетная.
Печать офсетная. Объем 8 печ. л.
Тираж 300 экз.
Отпечатано в АО «Т8 Издательские технологии»

ISBN 978-5-94881-489-6

9 785948 814896

В новую книгу поэта, писателя, эссеиста, историка литературы вошли стихотворения, сказка в стихах «Щучье слово» и эссе «Седой орлёнок», посвящённое творчеству Бунина-поэта. Все произведения, составившие книгу, созданы весной и летом 2020 года.

МОСКВА НОВЫЙ ХРОНОГРАФ 2021